

Русская православная церковь и пандемия COVID-19

АЛЕКСЕЙ
МАКАРКИН

Нынешняя пандемия коронавируса не стала и, пожалуй, не могла стать каким-то переломным моментом в истории Русской православной церкви (РПЦ). Основным общественным запросом в период вселенского бедствия стала востребованность нормализации, то есть возвращения к привычной, «довирусной», жизни. Такой запрос актуален для самых разных областей – трудовой, семейной, потребительской, образовательной, культурной, – и религиозная сфера не стала здесь исключением.

Онлайн-церковь?

Отличие, впрочем, заключается в том, что в образовательных или трудовых практиках, в отличие от богослужebных, пандемия ускорила переход к удаленным форматам деятельности, который начался задолго до нее (вспомним работающих на «удаленке» программистов или популярные в последние годы дистанционные лекционные курсы). Религиозная же сфера в плане личной вовлеченности больше похожа на семейную и потому предусматривает непосредственное присутствие на богослужении, сопровождаемом совместной молитвой, очной исповедью и причастием, которого никак нельзя получить с помощью Интернета.

Подобно тому, как дистанционное общение с близко живущими пожилыми родственниками в моральном плане видится явной аномалией, распространившееся весной 2020 года удаленное присутствие на богослужениях, транслируемых онлайн, многими воспринималось в качестве суррогата, никак не заменяющего привычный формат. Онлайн-исповедь, санкционированная во время первой, весенней, волны некоторыми церковными деятелями, включая митрополита Илариона (Алфеева), так же казалась аномалией, которая после снятия жестких карантинных мер быстро утратила актуальность. Упоминаемая иногда аналогия – исповедь по телефону, совершенная тверским губернатором Николаем Бунтингом 2 марта 1917 года, прямо накануне его ареста и убийства сторонниками революции, – лишь подтверждает чрезвычайный характер подобного подхода к таинству. «Это был, вероятно, единствен-

Алексей Владимирович Макаркин (р. 1971) – профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ный в истории случай такой исповеди и разрешения грехов», – так характеризовал то событие в своих мемуарах митрополит Вениамин (Федченков)¹.

Интересно, однако, что не содержащие элементов сакральности религиозные действия, перешедшие в онлайн-сферу, напротив, основательно там закрепились: после завершения пандемии, как представляется, их роль в церковной жизни будет расширяться. Речь идет прежде всего об онлайн-пожертвованиях и онлайн-поминании усопших. Сбор пожертвований в Интернете получил в последние годы широкое распространение в разных форматах – от объявлений в социальных сетях до привлечения краудфандинговых платформ, хотя поначалу церковь относилась к таким технологиям весьма сдержанно, прежде всего из-за высокого риска столкнуться с мошенниками. Но в церкви эпидемических времен онлайн-пожертвования гораздо активнее собираются священниками, очно или заочно знакомыми жертвователям, а это повышает доверие к таким сборам.

Другая причина, поддерживающая недоверие к современным технологиям, имеет две составляющих. Первая из них, техническая, связана с отсутствием нужных компетенций и затрагивает преимущественно прихожан старшего возраста. «Лепта вдовы» остается традиционным способом пополнения церковного бюджета, однако невысокие доходы этой группы мирян не позволяют церкви рассматривать его в качестве основного. Вторая составляющая – психологическая: консервативная часть клира и верующих не раз демонстрировала серьезные фобии при освоении новых технологий. За подобным поведением стояли эсхатологические настроения, стимулируемые неприятием нового: ИНН, штрих-коды, банковские карты воспринимались как признаки приближающегося Апокалипсиса. Сейчас ситуация в значительной степени изменилась, что связано с адаптацией ко многим новшествам, ставшим привычной частью жизненного уклада. Монастыри и приходы, даже консервативные, используют в своей финансовой отчетности ИНН, по поводу которого пару десятилетий назад шли бурные споры. Тема штрих-кодов, трактуемых конспирологами в качестве «печатей сатаны», тоже отошла на второй план, так как они прочно закрепились в торговой сфере, оснащенной кассовыми аппаратами, – присутствуя, кстати, и на православной книжной продукции, будучи напечатанными или в виде наклеек (которые благочестивый читатель с легкостью может удалить). Размещение в последние годы на церковных зданиях – памятниках архитектуры – табличек с QR-кодами, позволяющими

1 Митрополит Вениамин (Федченков). *На рубеже двух эпох*. М.: Отчий дом, 1994. С. 146.

получать дополнительную информацию с помощью мобильных устройств, было воспринято в церкви спокойно, так как абсолютное большинство прихожан пользуется современными телефонами. В привычку верующих вошло и повседневное применение банковских карт: даже пожилые прихожане воспринимают их как вполне естественный атрибут современной жизни, позволяющий получать пенсию. Что же касается сбора пожертвований посредством дистанционных технологий, то его давно практикуют даже самые консервативные православные Интернет-ресурсы – такие, как «Русская народная линия» или «Благодатный огонь». Отсюда и отсутствие религиозных ограничителей в отношении подобных практик.

Сказанное не означает, что адаптация к новым технологиям идет беспроблемно; но на первый план тем не менее сегодня выходят уже не фобии, связанные с самим фактом их использования, а опасения, что их могут применять для ужесточения государственного контроля над личностью. Поэтому в ноябре 2020 года церковь резким неприятием отреагировала на планы использования QR-кодов для отслеживания посещений храмов в период пандемии, усмотрев в этом покушение на свободу совести.

К теме онлайн-пожертвований примыкает еще один сюжет, имеющий отношение к сакральным действиям, – это онлайн-поминание усопших. Такие практики распространились в Интернете до пандемии, но их так же сдерживали опасения, связанные с возможным мошенничеством. Тем не менее, как и в случае с обычными жертвованиями, здесь работает доверие к хорошо известным клирикам. Что же до сакральности, то заказ поминаний и сам обряд уже давно разделены: люди, пишущие (и оплачивающие) записки с именами своих близких, зачастую не посещают богослужений – так что перевод этой сферы в онлайн-формат вообще не является серьезной проблемой.

Религиовед Роман Лункин обращает внимание на формирование небольших целевых групп из находившихся на «удаленке» и общавшихся друг с другом посредством Интернета прихожан (эффект «малого стада»), которые тем же способом продолжают взаимодействовать и после пандемии. Такое обыкновение распространилось среди представителей разных конфессий – от протестантов, для которых оно выглядит вполне естественным, до православных, успешно его осваивающих. У последних, однако, определяющим элементом этой практики выступает не институциональный, а личностный фактор: авторитетные пастыри в ней важнее активных мирян. По мнению Лункина, в указанной связи в отношении православия надо говорить не о «революции мирян», а скорее о «революции пророков» – конкретных священнослужителей с их не-

формальными подходами к приходской работе, основанными на духовничестве, катехизации или социальной деятельности².

Важным, однако, представляется вопрос о числе подобных «пророков», как либеральных, так и консервативных, поскольку они по-прежнему составляют явное меньшинство священнослужителей, тогда как подавляющее большинство не выходит за привычные рамки – и совсем не претендует на роль харизматичных лидеров. Поэтому отмеченные целевые группы в РПЦ, видимо, будут развиваться только в социально активных приходах: их роль в общецерковной жизни не стоит преувеличивать, особенно на фоне столкновения различных, нередко конфликтующих между собой, идеологических векторов. Консервативные адепты покойного протоиерея Димитрия Смирнова с трудом находят общий язык с либеральной паствой протоиереев Александра Борисова или Алексея Уминского.

ЛИБЕРАЛЫ ЗА ПОРЯДОК, КОНСЕРВАТОРЫ ЗА СВОБОДУ

Реакция на пандемию представителей разных конфессий, причем как клириков, так и прихожан, выглядела, на первый взгляд, парадоксально. Вполне естественно, что размежевание произошло не по конфессиональному, а по идейному принципу – и не между конфессиями, а внутри каждой из них. Если церковные сторонники либеральных взглядов в разных странах отстаивали необходимость строгих санитарных норм и соглашались с вводимыми правительствами ограничениями, то консервативные клирики и прихожане реагировали на такие меры в основном негативно, вплоть до публичных протестов. Так было и в России, и в других странах. Парадокс же состоит в том, что либералов традиционно отличает защита свобод, тогда как консерваторам стереотипно приписывают их ограничение. Теперь же они поменялись местами.

В действительности пандемия лишь усилила ранее обозначившийся тренд, причем стимулировалось это не только распространением вируса как таковым, но и более широким контекстом. Либералы всегда были ориентированы на уважение к научному и экспертному знанию. Консерваторы же считают человеческий разум ограниченным, а научные представления относительными, указывая при этом, что религиозные догматы берут начало в вечности, а всякая истина науки преходяща. На пользу им работает и то обстоятельство, что полный научный консенсус сейчас достигается с огромным трудом, а на экспертном рынке всегда можно найти специалиста, идущего

2 Лункин Р.Н. *Церкви в политике и политика в церквях. Как современное православие меняет европейское общество*. М.: Институт Европы РАН; Нестор-История, 2020. С. 475–476.

против течения. Глобальный же мир, с массовым доступом к Интернету, максимально упростил такой поиск, на проведение которого имеется определенный общественный запрос: многие люди, например, убеждены, что масштабы пандемии специально преувеличиваются элитами, руководствующимися собственными корыстными целями.

Носителям консервативного сознания исторически свойственно представление о принадлежности к нормативному большинству; однако в наши дни это большинство все чаще превращается в меньшинство, что не только травмирует консерваторов, но и заставляет их энергично отстаивать принципы свободы для себя. В частности, именно так ведут себя консервативные церкви, которые, доминируя на религиозном поле, не воспринимают принципа свободы совести, но, оказавшись в положении обороняющихся, начинают настаивать на нем применительно к себе, чаще всего обходя вниманием конкурентов. Например, опыт Русской православной церкви показывает, что требование религиозных свобод может сочетаться с жесткой риторикой в отношении «сектантов» и стремлением вытеснить с конфессионального поля малые религиозные объединения.

Укрепляющийся консерватизм РПЦ сказывается на внутрицерковных либералах, которые на фоне общего ухода церкви вправо почти перестают отличаться от консерваторов. Например, митрополит Иларион (Алфеев), считающийся одним из наименее реакционных русских иерархов, публично осудил Джо Байдена за взгляды, расходящиеся с христианской ортодоксией. Подобные позиции свойственны далеко не всем деятелям современного мирового православия. Так, главный иерарх Константинопольского патриархата в США, архиепископ Елпидифор (Ламбриниадис), не только выступил на съезде Демократической партии, но и поддержал движение «Black Lives Matter». Для Константинополя поддержка борьбы против расового неравенства – давняя традиция, заложенная еще архиепископом Иаковом (Кукузисом), самым знаменитым греческим архиереем в Америке XX века. Он занимал свой пост в 1959–1996 годах, а в 1965-м участвовал в знаменитом марше против расизма в штате Алабама, проходившем под руководством Мартина Лютера Кинга.

Для РПЦ – исключая какие-то периферийные группы – подобная повестка чужда. «В годы большевистских гонений интеллектуальная и духовная элита Церкви была выкошена, и, естественно, в Церкви возобладали архаичные и обскурантистские идеологемы», – писал почти четверть века назад религиовед Сергей Филатов³. Но дело не только в дефиците

3 Филатов С.Б. *Нет совести без свободы совести // Религия и права человека: на пути к свободе совести. Вып. III.* М.: Наука, 1996. С. 13.

просвещенности. Свою роль сыграли и многолетняя самоизоляция от внешнего мира; и травма «обновленчества», тесно сотрудничавшего с советской властью; и предпочтение церковной «консервации» как способа выживания. Последнее в разной степени относилось как к официальной церкви, так и к ее «катакомбным» альтернативам, причем последние, пережив период героического сопротивления советскому государству, из-за длительного существования в подполье неизбежно начинали деградировать⁴. Либеральные веяния в РПЦ стали проявляться только в последнее время, с приходом нового поколения священнослужителей – но они слишком слабы и неустойчивы. В ближайшие годы могущество консерваторов не позволит им претендовать на роль церковного мейнстрима.

КОНСЕРВАТОРЫ И ФУНДАМЕНТАЛИСТЫ

С началом пандемии в РПЦ обострились разногласия между консерваторами и фундаменталистами, которых в публичном дискурсе нередко смешивают – тем более, что и те и другие отвергают либерализм, реформаторство и экуменизм. Более адекватным, однако, представляется их размежевание, на котором настаивает, в частности, Ирина Папкова, отождествляющая консерваторов с традиционалистами и обособляющая от них фундаменталистов. Если под консерватизмом понимается православный мейнстрим, выступающий против Запада и «сектантства», а также за «симфонию» церкви и государства, то фундаментализм – церковная периферия. Его сторонники конструируют комфортную для себя традицию, в которой соседствуют почитание Ивана Грозного, Григория Распутина и Иосифа Сталина (всех вместе или выборочно), а Московская патриархия критикуется за избыточный либерализм. Консерваторам в России привычно ощущать себя большинством, российские фундаменталисты уже давно склонны воспринимать себя как праведное меньшинство, противостоящее апостасийному (отступившему от Христа) миру. В отношении современного Запада фундаменталисты настроены гораздо более враждебно, чем консерваторы, трактуя его сугубо в эсхатологических терминах⁵.

Интересно, однако, что на российский фундаментализм немалое (хотя и опосредованное) влияние оказывает его американское *alter ego*. На фоне присущего ему буйного антизападничества этот тезис кажется странным, но он тем не менее под-

4 См.: БЕГЛОВ А.Л. *В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР*. М.: РОССПЭН, 2018. С. 226–230.

5 См.: РАРКОВА И. *The Orthodox Church and Russian Politics*. New York: Oxford University Press, 2011. P. 48–60.

крепляется веским основанием: фундаменталистскую мысль в России и Америке сближает эсхатология. По наблюдению Александра Панченко, в 1970-е массовая религиозная культура США переживала очередную волну эсхатологических страхов и ожиданий, воплотившихся по большей части в идеологии так называемых «новых христианских правых». Панченко обращает внимание на то, как именно их конспирологические воззрения, проникшие в русскую православную среду через Афон, послужили обоснованием для верующих, которые внутри РПЦ выступали против ИНН, штрих-кодов и банковских карт⁶. На сегодня всемирным центром фундаменталистского креационизма, отвергающего всякие компромиссы с современной наукой и воспринимающего библейские тексты буквально, тоже остаются США. Не секрет, что аргументы протестантских креационистов широко используются их российскими единомышленниками, причем не столько протестантскими, сколько православными. В свете сказанного не удивительно, что многие американские и российские фундаменталисты являются активными «ковид-диссидентами».

Эволюция американского консерватизма характеризуется нарастанием в нем радикальных настроений и неприятием слишком либерального, с точки зрения его представителей, государства. В эпидемическое время это ярко проявилось в феномене радикального трампизма, отвергающего даже не «большое правительство», а государственные институты в целом. Родион Белькович называет часть американских консерваторов «радикалами поневоле»⁷. Но здесь, однако, возникает вопрос: имеют ли вообще такие «невольные радикалы» отношение к консерватизму? Если исходить из того, что радикализм органически не совместим с консерватизмом, то тогда приходится согласиться с тем, что состоявшаяся «мутация» вообще выводит радикалов за рамки консерватизма.

Если консерваторы в РПЦ, несмотря на свое неприятие эпидемических ограничений, все же стремились соблюдать внутрицерковную дисциплину, основанную на лояльности священноначалию, то среди православных фундаменталистов приход коронавируса в очередной раз усилил протестные настроения, направленные против церковной иерархии. Подобное в церковной жизни было уже не раз: возмущение вспыхивало в 1991 году, после «примирительной» речи патриарха Алексия II в Нью-Йорке на встрече с талмудическими раввинами; затем недовольство спорадически разжигали в ходе продви-

6 См.: Панченко А.А. *Компьютер по имени Зверь: эсхатология и конспирология в современных религиозных культурах* // Антропологический форум. 2015. № 27. С. 122–141.

7 Белькович Р.Ю. *Кровь патриотов. Введение в интеллектуальную историю американского радикализма*. СПб.: Владимир Даль, 2020. С. 356.

жения в обществе новых электронных технологий, упоминавшихся выше; затем в 2016 году основанием для него послужила встреча патриарха Кирилла и папы Франциска в Гаване, а через год – планы участия РПЦ в Критском соборе. Поводом для нынешнего возмущения фундаменталистов послужили половинчатые антивирусные ограничения, на которые под влиянием государства было вынуждено пойти священноначалие, – в первую очередь богослужебные новации, включая, например, протирание лжицы, ложечки, используемой при совершении таинства, после каждого причащения.

Для светского общества наиболее зримым проявлением ковидной протестной вспышки стала нашумевшая история схиигумена-фундаменталиста Сергия (Романова), выступившего с резкой критикой деятельности светского и церковного руководства в период пандемии – и в результате лишенного сана, а затем и вовсе отлученного от церкви. Но уральский кейс, несмотря на мощный резонанс, все же остается локальным, частным случаем. Объяснить это можно несколькими обстоятельствами – среди них: личностные особенности священника, в молодости осужденного за убийство и не обладавшего безусловным духовным авторитетом; ограниченность контактов провинциального «старца» с другими внутрицерковными фундаменталистами; быстрые административные меры, сделавшие общение с расстриженным и отлученным деятелем «токсичным».

Более значимым событием, как представляется, оказалось собрание фундаменталистски настроенных православных активистов, состоявшееся в Москве 31 октября 2020 года, в котором, как было объявлено, участвовали около 400 человек. В их обращении к Владимиру Путину говорилось, что из-за антивирусных мер, реализуемых государством, «наиболее консервативное, традиционно патриотически настроенное большинство населения перестает доверять власти, лишая ее опоры в обществе». От церковных иерархов участники собрания потребовали отменить богослужебные новации, а заодно дезавуировать результаты Гаванской встречи и сместить церковного «министра иностранных дел» – митрополита Илариона. Впрочем, никаких последствий этот фундаменталистский демарш не имел.

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ: ПЕРЕСМОТР ПРАВИЛ ИГРЫ?

Для РПЦ вопрос религиозной свободы, с учетом современных реалий и исторических особенностей, остается весьма противоречивым – в свете как большого опыта сотрудничества с государством, так и стремления сохранить свою автономию.

Выше отмечалось, что в минувшем году церковь выступила против новых государственных механизмов контроля над личностью – это стало подтверждением ее допандемийной позиции. Здесь ситуация тоже, на первый взгляд, выглядит парадоксальной, поскольку РПЦ, даже не будучи государственной церковью, как в Российской империи, в то же время по сравнению с другими конфессиями обладает большим количеством неформальных преференций.

На практике церковно-государственные отношения носят более сложный характер, чем кажется на первый взгляд, и пандемия недвусмысленно подтвердила это. Упомянутая сложность обусловлена двумя факторами. Первым из них выступает «симфонийный» идеал церкви, предусматривающий отсутствие ее подчиненности государству и равноправные отношения с ним. Именно поэтому в современном церковном дискурсе аномалией считаются не только советские времена, когда РПЦ подвергалась государственным гонениям, но и синодальный период, когда управление церковью осуществлялось государственным «ведомством православного вероисповедания», а священники были обязаны нарушать тайну исповеди, если речь шла о государственных преступлениях. Разумеется, «симфонийный» идеал был недостижим даже в Византии, но для РПЦ это не является поводом, чтобы отказаться от него. Вторым фактором, осложняющим отношения духовной и светской власти, выступает политика государства, которое, декларируя свою расположенность к православию, тем не менее зачастую игнорирует интересы РПЦ, если считает это для себя выгодным. Так, наиболее серьезные жесты в адрес церкви – реституция собственности, включение в федеральную школьную программу «Основ православной культуры», учреждение военного духовенства – были сделаны в президентство Дмитрия Медведева, заинтересованного в повышении своего авторитета в различных сегментах общества. В то же время в других вопросах – начиная с увеличения часов, отводимых для вышеупомянутых «Основ» (сейчас это короткий курс, преподаваемый в четвертом классе по одному часу в неделю) и заканчивая продолжающимся бюджетным финансированием абортов – государство не идет навстречу пожеланиям церкви.

В 2020 году РПЦ, с одной стороны, согласилась с пандемийными ограничениями, а с другой стороны, сделала это крайне неохотно. Церковное начальство вынуждено было считаться не только с возможностью фундаменталистского бунта, но и с недовольством консерваторов, усугубляемым невозможностью праздновать Пасху «как обычно». Государство же довольно бесцеремонно надавило на церковь, официально обязав ее закрыть храмы – и показав тем самым, что государственная

власть рассматривает ее не как сакральное сообщество, обладающее эксклюзивными функциями, а как одну из партнерских организаций, чьи интересы в чрезвычайной ситуации вполне можно ущемить⁸. Причем полного контроля над собственными «ковид-диссидентами» священноначалие обеспечить не смогло – и это отличало церковь от других общественных структур, сотрудничающих с государством.

В итоге в церковно-государственных отношениях начались изменения: самостоятельность священноначалия в принятии решений по внутрицерковным вопросам оказалась под большим сомнением. Упомянутая выше история схиигумена Сергия (Романова) сопровождалась возбуждением против него административного дела еще до лишения сана. При этом государство, недвусмысленно обозначив свою позицию, но не желая публично втягиваться в чреватый имиджевыми издержками конфликт, фактически переложило его разрешение на РПЦ, с чем церковь в полной мере не справилась. Влияние бунтаря было локализовано, но изгнать его своими силами из контролируемого им монастыря не удалось – поэтому государство все же вмешалось, и силовики взяли монастырь штурмом.

В свете сказанного показательна история, произошедшая со схиархимандритом Иоанникием (Ефименко) из Ивановской области. У него, в отличие от Сергия, более традиционная для церковного деятеля биография – по крайней мере судимости нет. Отношения Иоанникия с епархиальным начальством складывались непросто, но популярность среди верующих и умение привлекать спонсоров позволяли ему продолжать приходское служение (монастырь под его началом существует лишь *de facto*, а не *de jure*). Однако в октябре 2020 года депутат Государственной Думы от «Единой России» Евгений Марченко направил в Генеральную прокуратуру и Следственный комитет запросы, в которых предлагал проверить деятельность Иоанникия. Основанием послужило обращение местной жительницы, которая рассказала, что паломникам, приезжающим к Иоанникию, не позволяют покидать обитель и запугивают, вынуждают продавать квартиры, заставляют выполнять тяжелую работу. Подобные обвинения в отношении таких фигур выдвигаются достаточно часто, но государство, как правило, их игнорировало. На этот раз ситуация оказалась иной: Следственный комитет возбудил уголовное дело по обвинению в незаконном лишении свободы, схиархимандриту запретили служить, а близкие к церкви эксперты обвинили его в сектантстве. После этого наблюдателям на какое-то время показалось, что скандал начинает затухать, но в декабре на канале «Россия-24»

8 Подробнее см.: МАКАРКИН А.В. *Полифония Русской церкви: государственный фактор, общественный запрос и фактор пандемии* // *Полития*. 2020. № 2(97). С. 115–116.

вышел разоблачительный сюжет про Иоанникия – вопреки тому, что продолжающееся публичное обсуждение темы для церкви невыгодно.

Все это происходит на фоне обострения тех проблем в церковно-государственных отношениях, которые не связаны с харизматичными «старцами» – и лишь случайно совпали с пандемией. Так, уникальным можно считать скандал с бывшим череповецким епископом Флавианом (Митрофановым), бежавшим в Лондон. Этот иерарх был смещен с должности управляющего епархией весной 2020-го, а 8 декабря того же года был запрещен в служении – но к тому моменту, как выяснилось, он уже находился в Великобритании, благо наряду с российским у него оказался и британский паспорт. Необычность истории Флавиана связана с подозрениями в причастности к производству наркотиков, возникшими в отношении близкого к нему молодого человека. Однако никаких официальных обвинений епископу не предъявили, что и позволило ему беспрепятственно покинуть страну. Оказавшись за рубежом, Флавиан выступил с серией скандальных разоблачений. При любом исходе эта история заставит светские власти задуматься об адекватности церковной кадровой политики.

Добавим к сказанному и восстановление в 2020 году влиятельным псковским митрополитом Тихоном (Шевкуновым) утраченного им годом ранее контроля над своей «цитаделью» в Москве – Сретенским монастырем и, по крайней мере частично, Сретенской духовной семинарией. Наместником монастыря и проректором семинарии ныне назначен его протеже, иеромонах Иоанн (Лудищев). Недолго бывший наместником и ректором, владыка Амвросий (Ермаков) переведен митрополитом в Тверь. В свою очередь освободивший ему место тверской митрополит Савва (Михеев), ранее вступивший в конфликт не только со значительной частью местного духовенства, но и с губернатором Тверской области Игорем Руденей, фактически игнорировавшим архиерея, отправился в Вологду⁹. Все подобные истории ослабляют позиции патриарха Кирилла во взаимоотношениях с государством, хотя он сохраняет контроль над основными внутрицерковными процессами.

* * *

На фоне продолжающейся пандемии COVID-19 неформальный иммунитет церкви от государственного вмешательства слабеет. Раньше ее «старцы» были вне сферы внимания властей,

⁹ Орлова М. *Мелочи архиерейской жизни XXI века* // Караван Ярмарка (Тверь). 2020. 2 сентября (www.karavantver.ru/melochi-arhierejskoj-zhizni-xxi-veka/).

несмотря на любые обвинения в их адрес, а скандалы с архиереями разрешались сугубо внутрицерковными методами, без прямого вмешательства спецслужб. Теперь же, похоже, государственные структуры решили напрямую влиять на ситуацию в церкви: такова обратная сторона государственно-церковного сближения, которое в течение многих лет расценивалось церковью как безусловное благо. Усиливая свой контроль над всеми сторонами общественной жизни, государственная власть не делает различия между сакральными и мирскими учреждениями. Поэтому ресурс, ранее направлявшийся на одобряемую церковью борьбу с «сектами», может быть применен и против самой «главной конфессии» – хотя и в более скромных масштабах. Пандемия, видимо, лишь ускоряет этот процесс.